

ЭНТОНИ БЁРДЖЕСС

M/F

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б48

Серия «Эксклюзивная классика»

Anthony Burgess
М/Ф

Перевод с английского *Т. Покидаевой*
Серийное оформление *Е. Фerez*
Дизайн обложки *А. Чаругиной*

Печатается при содействии литературных агентств David
Higham Associates и The Van Lear Agency LLC.

Бёрджесс, Энтони.

Б48 М/Ф : [роман] / Энтони Бёрджесс ; [пер. с англ.
Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110628-7

От университетского кампуса – к загадочному острову.
От античной мифологии – к индейским легендам, от тон-
ких библейских аллюзий – к острой, циничной интеллек-
туальной сатире.

«М/Ф» – роман, ставший мировой литературной сен-
сацией.

Его иступленно ругали или столь же иступленно им
восхищались. О нем спорили и им зачитывались. Однако
ни у восторженных поклонников романа, ни у его рьяных
ненавистников не возникало сомнений: Энтони Бёрджесс
вновь нарушил границы дозволенного в литературе.

История юного Майлса Фабера – царя Эдипа XX сто-
летия – становится историей искусства как такового.

Но что есть современное искусство?

По каким законам оно существует?

И прав ли Майлс, с юношеским максимализмом про-
двигающий теорию «искусства хаоса и разрушения»?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© International Anthony Burgess Foundation, 1971
© Перевод. Т. Покидаева, 2018
ISBN 978-5-17-110628-7 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Per Liana**

*Donna valente,
La mia vita
Per voi, piu gente,
E ismarita**.*

* Посвящается Лиане (ит.). — Здесь и далее примеч. пер.

** Донна прекрасная, / Жизнь моя — / Для тебя, / Лишь для
тебя / Одной. — Джакомо Пульезе.

В своем «Лингвистическом атласе Соединенных Штатов и Канады» Ганс Курат не признает изоглоссу, совпадающую с политической границей вдоль 49-й параллели северной широты.

С. Поммер

C'est embetant, dit Dieu. Quand il n'y aura plus ces Francais,

Il y a des choses que je fais, il n'y a aura plus personne pour les comprendre.

*Charles Péguy**

Входят принц, Леонато, Клавдио и Джеки Уилсон.

Много шума из ничего.

Первое фолио

* Досадно! — Бог изрек. — Когда французов более не станет, то смысл каких-то из моих деяний и некому уж будет понимать. — *Шарль Пегу (фр.)*.

1

— Боже мой, совсем голый?

Это было давно, очень давно. Тогда я еще не достиг совершеннолетия и теперь проецирую позы и речи взрослого, зрелого человека на того неоперившегося юнца в номере «Алгонкина». Я не думаю, например, что действительно ответил:

— Скажем так, функционально голый. С оголенными оперативными зонами.

— Средь бела дня?!

— В лунном свете. В непорочном сиянии чистой луны Массачусетса.

Печаль Лёве пролегла между нами — неизбежная, неутолимая. Верьте, что я говорил именно это. Верьте всему.

— В основном это была ее идея. Она сказала, мол, это можно рассматривать как форму протеста. Она-то сама из студенческого возраста давно вышла, так что для акции протеста уже вроде как и не годилась. Это должно было быть *мое шоу*, как говорят британцы. Бесстыдное публичное совокупление как способ выразить свой протест. Против тиранических демократий, войн во имя мира, принуждения студентов к учебе...

— То есть вы признаете, что совершили бесстыдство?

— Против того, что индийские дети, похожие на скелеты, едят собачье дерьмо, если им повезет его найти.

— Я спросил, признаете ли вы...

— Никакого стыда. Все происходило у входа в Мемориальную библиотеку Ф. Джаннату. Помощница библиотекаря, мисс Ф. Карика, как раз закрывала библиотеку на ночь. Я отчетливо видел ее браслет-змею, когда она поворачивала ключ.

Мой разум отчасти был занят сочинением загадки про *Лёве*. Вот что получилось:

Тевтонский рык его гремит,
А сам — овца овцой сидит.

Лёве, хранитель закона, сидел, весь из себя печальный, на стуле. А я, упорствующий во грехе, лежал на кровати. Гольный, но не совсем. Лёве был одет в легкий, сдержанно-переливчатый костюм — по случаю нью-йоркской жары, что свирепствовала снаружи почище самой свирепой зимы. Из львиного в его облике были лишь волосатые лапы, но это, в конце концов, родовой признак животных. Хотя из-за львиной фамилии его волосатость представлялась мне не совсем человеческой, и от этого я чувствовал необъяснимое тревожное биение, обосновавшееся в паху. Точно такое же биение, только в пе-

чени, началось у меня и тогда, когда профессор Кетеки преподнес нам задачку о записи в дневнике Фенвика от 2 мая 1596 года. Я докурил до самого фильтра, затянулся в последний раз и затушил сигарету среди прочих окурков. Лёве принюхался к дыму, как зверь. Спазм тревоги. Лёве спросил:

— Это какой-то галлюциноген?

— Нет. «Синджантин». Изготовлено под монопольным контролем правительства Республики Корея.

Я прочитал это на бело-золотисто-зеленой пачке и добавил:

— Впервые я их увидел на выставке в Монреале. И там же впервые прочувствовал зло любых разграничений. Я пересек границу, но так и остался в Северной Америке.

Лёве вздохнул, и этот вздох был похож (вновь спазм тревоги) на миниатюрный раскатистый рык. Его очки вспыхнули отражением пылающей Западной Сорок четвертой улицы.

— Надо ли мне говорить, и ему не надо было говорить, как огорчился бы ваш бедный отец. Сына выгнали из колледжа за постыдный, бесстыдный...

— Мои собратья-студенты бунтуют, требуют моего восстановления. На кампусе гремят выстрелы. На закате пылают костры, в них горят книги. Реакционер Уитмен, фашист Шекспир, поганый буржуй Маркс, Вебстер со своей избыточностью слов. У студента есть право публично сношаться.

Я достал из пачки еще одну «синджантинку», но тут же сунул обратно. Надо следить за своим здоровьем. Я был тощим и слабым. Страдал кардиоревматизмом, многочисленными разновидностями астмы, колитом, нервной экземой и сперматореей. Я был, и сам это знал, психически не уравновешенным человеком. Предавался сексуальному эксгибиционизму, несмотря на явный недостаток физической энергии. Мой мозг любил, когда его пичкали раскрошенными печеньюшками бесполезной информации. Если информация была бесполезной, я ее схватывал, что называется, на лету. Но я твердо решил исправиться. Я собирался побольше узнать о работах Сиба Легеру. Хотя это тоже была бы бесполезная информация, на самом деле, потому что кого это интересует, кому захочется это знать, сколько людей вообще хоть раз слышали это имя? Меня же творчество Сиба Легеру привлекало безмерно — своим возвышением бесполезного, нежизнеспособного, не поддающегося никакой классификации в...

— Господи, как же так можно?! Как вы дошли до такого безумства?

— Это все из-за лекции профессора Кетеки. По ранней елизаветинской драме.

— Насколько я знаю, вы должны были изучать деловое управление.

— С управлением у меня не сложилось. Мне посоветовали переключиться на что-нибудь бесполезное. В деловом управлении меня ужасало отсутствие океанических мистерий. Но если подумать, елизаветинская драма может многому на-

учить в смысле стратегии управления. Интриги, кинжалы в спину, вероломные братья, отравленное питье на пирах...

— Ой, ради бога...

— Так вот, в лекции была упомянута запись в дневнике Фенвика. Тот записывал свои впечатления о лондонских чудесах, дабы потом смаковать их в изгнании. Летом 1569 года он смотрел пьесу в театре «Роуз» в Бэнксайде. Все, что он записал в дневнике: «Золото, золото — и даже номинально». В то утро профессор Кетеки был пьян. Его жена родила сына, их первенца. Запах виски можно было почувствовать с третьего ряда. Кетеки, этакий журавль фигурой, но с свиной головой, натужно вымучивал невнятную лекцию, сдобренную запахом виски.

Вряд ли я произнес этот последний пассаж на самом деле. Но я действительно сказал:

— Однако он вполне внятно предложил двадцать долларов тому, кто скажет, какую пьесу смотрел Фенвик.

— Послушайте, у меня встреча с клиентом...

— И тут меня озарило. Я встречался с мальтийской девушкой из Торонто, изучавшей родную литературу. Как-то она показала мне одно свое сочинение, и меня поразило слово jew. По-английски это «еврей». А в мальтийском, она мне сказала, это союз «или». По-английски он пишется or. Но во французском языке и в геральдике or значит «золото». И однажды она говорила, что я похотлив, как фенех, то есть кролик. Так что этот Фенвик вполне мог быть Фенехом — это

достаточно распространенная мальтийская фамилия, как я понимаю, — и англоязычным мальтийским агентом английского рыцарского капитула. Пьеса, которую он смотрел, — это «Мальтийский еврей» Марло. Я получил двадцать долларов от Кетеки еще прежде, чем тот успел вытереть с пальцев мел. Деньги я пропил.

— Ох.

— В Риверхеде есть очень славный китайский ресторанчик, называется «Пу коу-тоу». Риверхед, как вы, наверное, знаете, назван в честь места рождения лорда Джеффри Амхерста. Здесь он великий герой, Амхерст. Разбил французов и дал Северной Америке повод восстать против Британии. Его племянник, Уильям Питт Амхерст, был назначен британским послом в Китае. Но зарубил свою миссию, отказавшись пасть ниц перед Императором.

— Послушайте, ровно в пять у меня встреча с клиентом.

— А разве я не такой же клиент?

Он хитро прищурился и сказал:

— Чего именно вы хотите?

— Во-первых, закончить рассказ. Я собирался поесть, но вместо этого напился. И познакомился с очень веселой игривой дамой, тоже бывшей в изрядном подпитии. Она учила бармена смешивать коктейль под названием «Шлепнога». Убойная штука. С «Бакарди», бурбоном и двойным крем-ликером. Сказала, она здесь проездом, по дороге в Олбани. И это она выдала ту идею с протестом.

Опустив взгляд на свою руку, я обнаружил, что курю очередную «синджантинку», чисто на автомате. Но я был полон решимости исправиться. Мне вот-вот должен был исполниться двадцать один, и время летело неумолимо.

— Вы должны понимать, — сказал Лёве, — что я ничего не могу для вас сделать до вашего совершеннолетия.

— Я знаю, — ответил я, — знаю, что мне причитается в положенный срок. Но в данный момент я все еще озабочен своим образованием. Хочу побывать на Кастите.

— Боже мой, *где?!*

— На пятнадцатом градусе широты, к югу от Испаньолы. В трехстах милях к западу от Подветренных островов. Бывший британский протекторат. Столица — Гренсийта. Население...

— Я знаю, где это находится. Я все знаю про это проклятое место. Но я никак не пойму...

— *Почему?* Тут все просто. Профессор Кеттеки пробудил во мне интерес к человеку по имени Сиб Легеру, каститскому художнику и поэту. Очень загадочный, очень талантливый. Вы о нем даже и не слыхали, и никто не слыхал. Его сочинения не были опубликованы, его картины гниют, так никем и не увиденные. Я читал ксерокопию рукописи. Потрясающе. Один колониальный чиновник постарался хоть как-то спасти работы Легеру, уже после смерти последнего. Устроил что-то вроде музея Легеру на Кастите. Туда никто не заходит, ключ висит в табачной лавке. Мне интересно. Хочу посмотреть.

Лёве издал очередной взрывной рев. Он сказал:
— Вообще-то я не суеверен. Но, как вам известно, ваш бедный отец встретил смерть на Карибах.

— Я забыл.

— Ладно, не берите в голову. На данный момент положение таково. Вы достигнете совершеннолетия... так, когда это будет...

— В декабре. В сочельник. Без двух минут полночь.

— Я знаю, знаю. Вам, конечно, известно условие вступления в наследство.

— Условие совершенно дурацкое.

— Я бы позволил себе заметить, что подобное отношение не пристало хорошему сыну. Ваш отец твердо стоял за смешанный брак и смешение рас.

— Когда я женюсь, это будет только по любви.

— Ох, — сказал Лёве, — сразу видно, что вы еще очень юны. Если бы все женились исключительно по любви, мир превратился бы в ад. Любовь — это нечто, чему мы учимся вкупе с другими супружескими обязанностями. Все остальное — для поэтов. Я очень надеюсь, — продолжал он взволнованно, — что семья Ань не узнает о вашем, о вашем...

— Если дадите мне адрес, я им сообщу.

— Нет, нет, нет.

— В «Риверхед стар» не было ничего. Руководство колледжа о том позаботилось. В более сознательных СМИ, может быть, что-то и проскользнет, но никаких имен упоминаться не

будет. Протестующие студенты имеют лишь коллективное существование. Личность полностью поглощена целью или ритуалом. Лозунги на грани оргазма. Гитары, бонго и песнь всеобщего братства людей. Лощенные бороды юнцов разверзаются, подбодряя нас на финишной прямой.

— Юная леди, мисс Ань, очень достойная юная леди. В жизни она много лучше, чем на фотографиях. И воспитана в строгих правилах. Эти старые кантонские семейства добродетельны, высоконравственны.

— Очень высоконравственны, да. Брак по воле родителей. Способ получить деньги. А в остальном — самый что ни на есть разврат. Еще даже почище, чем в Солт-Лейк-Сити...

— Ну, — перебил меня Лёве, — сложно представить, чтобы кто-нибудь в Солт-Лейк-Сити сделал то же, что сделали вы. Я имею в виду, надежность продукта связана с моральным обликом производителя.

— Полная чушь.

— А что касается вашей идеи ехать на Ка-ститу... я пока ничего не могу сказать... может быть, что-то есть во вспомогательной карте-теке... я проверю, когда вернусь...

— Вы принесли деньги?

— Вы как-то невразумительно говорили по телефону. Вы все еще были пьяны?

— Помехи на линии. Тысячу долларов?

— По условиям договора вам могут быть выданы деньги в разумных пределах на нужды образования. *Образования*, я подчеркиваю.

— Это очень широкое понятие.

— Я попросил мисс Касторино взять из банка пятьсот долларов. Тысяча — слишком много. Пятьсот будет более чем достаточно, чтобы достойным образом продержаться до дня рождения.

Лёве вдруг улыбнулся с пугающей сладостью и сказал:

— Кроссворды разгадывать любите, да?

И выудил из бумаг, разбросанных повсюду по комнате, загадку, вырванную из какой-то газеты. Теперь тревожная дрожь билась от крайней плоти до ануса.

— Замысловатая подсказка. Послушайте.

Он прочел, или как бы прочел:

— Вверх — я воду речную гоню;

Вниз — ароматы и краски дарю.

Ответ был очевиден: *цветок*. Но тревожная дрожь подсказала, чтобы я не давал Лёве ответа. Хотя почему? Кетеки я ответил практически сразу. А потом я понял почему. По какой-то причине Лёве пытался меня обмануть. *Вверх* и *вниз* в этой подсказке относились к положению языка при произнесении дифтонгов в словах, соответственно, *flow* и *flower*, *поток* и *цветок*. Такая заковыристая подсказка в кроссворде могла быть только в каком-нибудь лингвистическом журнале, а в лингвистических журналах кроссвордов в принципе не бывает. Лёве улыбался все так же сахарно.

— Ну?

— Прошу прощения, для меня слишком сложно. Дрожь унялась. Лёве как будто сдулся и стал не таким волосатым и важным. Он кивнул, явно довольный, и сказал:

— Я так понимаю, вы вернетесь задолго до дня рождения.

— Я не уверен, что хочу получить наследство. Вся власть Солт-Лейк-Сити. Хочется чувствовать себя свободным человеком.

— Ох, ради бога, — усмехнулся Лёве. — Никто не свободен. Я имею в виду, выбор ограничен врожденными факторами, предопределенными генетическими шаблонами и так далее.

Он слегка покраснел и добавил:

— Я об этом читал.

— В «Ридерз дайджест»?

Он уже справился со смущением и продолжал разглагольствовать:

— В наше время все размышляют об этих вещах. Все началось с французов. Люди не самые рассудительные, хотя и кичатся своей принадлежностью к якобы самой рациональной нации. Философия оживает лишь в спальне, или за соq au vin*, или перед расстрельной командой, уже готовой дать залп.

— Экзистенциальный маринад.

— Хорошая фраза. Вы где ее вычитали?

— Уж точно не в «Ридерз дайджест».

Лёве выглядел грузным, пятидесятилетним и как-то совсем не по-львиному.

* Петух в вине, национальное французское блюдо (*фр.*).